

Отзыв

члена диссертационного совета на диссертацию Татьяны Игоревны Корнильевой «*Шаньшу* как жанр китайской литературы», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока)

В исследовании Т. И. Корнильевой на материале четырех хрестоматийных произведений китайской популярной этико-дидактической литературы – «Нефритовые скрижали», «Книга откровений Тайшана», «Нравоучения владыки Вэнь-чана» и «Истинный канон владыки Гуаня...» – доказывается, что термин «шаньшу» в рамках его широкого понимания как определенной категории книг, рассчитанных на массового потребителя, вправе иметь узкое терминологическое значение, определяющее самостоятельный жанр народной литературы.

Для доказательства этого положения, вынесенного в название диссертации, Т. И. Корнильева предлагает рассматривать понятие «шаньшу» в связи с конкретными видами текстов, которые отвечают двум критериям: заключают в себе религиозную идеологию и имеют морально-дидактическую направленность (с. 29). Такая трактовка выводит за пределы *шаньшу* другие виды текстов, например, справочники, популяризирующие бытовые знания в области медицины, гигиены, диетологии и т. п. Полагаю, подобное первичное жанровое разграничение книг *шаньшу* имеет и практическое и теоретическое значение для изучения не только китайской литературной традиции, но и литератур других народов Азии. В ранней просветительской литературе на языке пашто (17 в.) в частности есть примеры соединения даже в корпусе одного сочинения дидактических текстов разного содержания и функциональной направленности (например, религиозного учебника по основам мусульманской догмы, культа и права, сборника рецептов народной медицины и инструкций по гаданию на Коране). Таким образом, материалы и выводы, содержащиеся в диссертации Т. И. Корнильевой, могут привлекаться для сравнительного литературоведения и типологии.

Опираясь на работы предшествующих исследователей, в первой главе работы Т. И. Корнильева выделяет и кратко характеризует четыре вида текстов *шаньшу*, имеющих общие черты и представляющих собой своего рода основу формирования собственно литературного жанра. Это таблицы поступков (*гунго-гэ*), короткие рассказы (*сяошо*), проповеди-*баоцзюани*, стихи и песни (*шаньгэ*), заклинания (с. 30-43). При этом автор диссертации более детально рассматривает проблему жанровой атрибуции текстов типа *баоцзюань*, а также специфику подвида этих текстов, определяемого как «ханьчуаньские *шаньшу*», объясняя условность приводимой классификации в исторической перспективе и с учетом современных подходов и восприятий («...необходимо принять во внимание, что теперь любое произведение, исполняющееся местными сказителями, даже не обязательно религиозной направленности, и больше носящее развлекательный характер, чем душевспасительный, все равно в силу традиции тоже будут называть “ханьчуаньскими *шаньшу*”», с. 40).

Аналитические разделы второй и третьей глав диссертации посвящены выявлению и характеристике различных жанрообразующих признаков *шаньшу* в произведениях типа «Нефритовых скрижалей» и «Книги откровений Тайшана», в том числе относящихся к структуре текстов, художественно-изобразительным средствам, системе образов, стилистике, идеологии, авторизации, литературным и внелитературным функциям. По мнению Т. И. Корнильевой, названные и аналогичные им произведения с развернутыми

нарративными текстами составляют отдельную группу *шаньшу* и именно они образуют «отдельный жанр китайской художественной литературы, который можно охарактеризовать как прозаический жанр среднего или малого объема, тематически занимающий промежуточное положение между религиозной и светской словесностью» (с. 110).

Исследуя различные компоненты формы и содержания произведений *шаньшу*, автор диссертации неизменно акцентирует внимание на идеологической составляющей текстов, объединенных общими морализаторскими целями. По существу главным связующим элементом всех разделов диссертационной работы является идея о том, что дидактика *шаньшу*, внешне оформленная в виде переплетения религиозных предписаний и верований, в большей степени воспроизводит традиционную китайскую социально-правовую идеологию, привязанную к конфуцианским идеалам общественного устройства. Легистские принципы этой идеологии хорошо отражены, например, в эсхатологических представлениях, которые в «Нефритовых скрижалях» иллюстрируются яркими inferнальными картинами и образами. Т. И. Корнильева характеризует содержание этого текста в целом как «описание работы подземной бюрократической машины», ответственной за назначение и исполнение наказаний за моральные проступки и правонарушения (с. 49-50). В аналогичном чиновничьем духе действует и прямо противоположная «подземной машине» Небесная канцелярия из «Книги откровений Тайшана», состоящая из нескольких десятков департаментов (с. 84-87). Ясно, что у рядового читателя этих текстов должны возникать не только призывы к добропорядочному поведению, но вполне определенные ассоциации со знакомой ему земной практикой функционирования государственного аппарата, построенного на конфуцианских догматах. Как справедливо отмечает Т. И. Корнильева, в бесстрастных описаниях inferнальных и небесных ведомств следует видеть отзвуки исторических реалий, связанных с устройством и регламентом уголовно-исполнительных и бюрократических институтов Китая. В образах загробных судей и небесных правителей тоже скрыты представления о земной административной иерархии. Вероятно, в таком же идеологическом ключе следует трактовать и иерархическое построение самих текстов *шаньшу* с точки зрения собственно языковых аспектов синтаксиса и семантики, о чем Т. И. Корнильева рассуждает на с. 94-96.

Анализ содержания морально-этических предписаний в текстах *шаньшу* позволил автору диссертации сделать заключение о том, что проповедуемые нормы поведения передают традиционную китайскую систему ценностей, основанную на принципах конфуцианства, а «идеалом личности в данных произведениях является честный карьерный чиновник», добропорядочный человек, подчиняющийся букве и духу конфуцианских заповедей (с. 76). Т. И. Корнильева обращает внимание как на более общие признаки традиционной китайской и конфуцианской идеологии в произведениях *шаньшу*, например, обусловленные рефлексом родового сознания и представлениями о коллективной семейной ответственности за неправомерные деяния (с. 92), так и на частные ее проявления, в том числе связанные с сакрализацией северной стороны (с. 77-78) или с почтительным отношением к письменным документам (с. 88-89).

Другая стержневая тема диссертационного исследования касается синкретизма идеологии в произведениях жанра *шаньшу*. Несмотря на доминирование в этой идеологии системы ценностей, выражающих конфуцианское мировоззрение и апологию государственности, в текстах *шаньшу*, по словам Т. И. Корнильевой, «затейливо переплетены положения всех трех учений Китая – даосизма, буддизма и конфуцианства» (с. 74). Фактически в диссертации показано, как в произведениях *шаньшу* религиозные

буддийские и даосские традиции сперва были адаптированы к собственно китайскому конфуцианскому субстрату, а затем, подчиняясь целям морализаторства, подчиненного конфуцианской идеологии, претерпели дальнейшие изменения, в итоге превратившись в то, что Т. И. Корнильева назвала «стилизацией» (с. 108). Хотя эта «стилизация» действительно затрагивает преимущественно формальную сторону произведений *шаньшу*, тем не менее некоторые из них имеют или в большей степени буддийскую («Нефритовые скрижали»), или даосскую («Книга откровений Тайшана») духовную привязку, если иметь в виду происхождение предполагаемых источников текстов. Не случайно во второй главе, посвященной «Скрижалям», Т. И. Корнильева с разной степенью детализации комментирует в основном именно буддийские элементы этого произведения, как крупные, например, сказание о Муляне (с. 80-84), так и мелкие, например, обряд освобождения животных *фаниэн* (с. 93) или демонические образы слугителей ада (с. 66-68). «Книга откровений», по словам автора диссертации, опирается на даосский трактат «Баопу-цзы», а ее условный автор Тайшан – никто иной, как сам Лао-цзы (с. 96, 99-101). Однако в целом, видимо, следует согласиться с выводом Т. И. Корнильевой о том, что «привлечение буддийских или даосских идей, сюжетов и понятий несет вспомогательный характер, поскольку произведения в целом ориентированы на пропаганду собственно конфуцианских ценностей через призму простонародного мировосприятия» (с. 112).

Необходимое место в диссертации отведено истории изучения книг *шаньшу* (с. 17-25). Особо отмечена роль японских ученых, внесших, по мнению автора диссертации, самый существенный вклад в исследование предмета. Следует отметить трезвый взгляд Т. И. Корнильевой на вопрос о времени формирования *шаньшу* как жанра именно письменной словесности: очевидно, этот процесс происходил не ранее 18 вв. вследствие демократизации книжной культуры, когда появился массовый потребитель такой литературы. Высокую оценку заслуживает раздел об аллюзиях и скрытых цитатах в произведениях *шаньшу* (с. 102-108). Именно здесь показаны наиболее глубокие генетические связи текстов *шаньшу* с предшествующими литературными традициями Китая, в том числе на уровне языка, учитывая стандартный переход цитат в разряд фразеологических единиц разного порядка (максимы, крылатые слова и т. д.). Также любопытны многочисленные наблюдения Т. И. Корнильевой о формах бытования и распространения литературы *шаньшу* в современном Китае. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что жанр *шаньшу* является живой и развивающейся традицией, которая успешно адаптируется к современности и формой, и содержанием: использование компьютерных программ для таблиц проступков *гунго-гэ* (с. 33-34), появление в новой версии «Нефритовых скрижалей» особого подземного судилища для душ людей, погибших в автокатастрофах (с. 57-58) и пр. Гибкость старой традиции, как указывает Т. И. Корнильева, обусловлена изначально заложенным в ней правом дополнения («дописывания»).

В качестве полемики выскажу два соображения. Хотя в китаистике давно принято терминологическое обозначение определенного типа литературы как «простонародная», – к которой автор относит и книги *шаньшу* (с. 3 и далее), – однако со стороны это понятие кажется избыточно экспрессивным и даже в чем-то идеологизированным. Думается, оно уместно в том случае, если *простонародная* литература по каким-то признакам противопоставлена литературе собственно *народной*, тем более что в английской версии диссертации используется его обычный эквивалент “popular”. Во-вторых, нельзя категорически утверждать, что текст «Нефритовых скрижалей», «апеллирует к разуму, а не к иррациональному восприятию» (с. 71). Может быть, художественные приемы здесь, действительно, «скупы и немногочисленны», но достаточно живописные картинки

отделений ада и сами их названия – «Ад, в котором растирают на жерновах», «Ад, где вытаскивают кишки», или такие экзотические, как «Ад, где со всех сторон кусают барсуки и клюют дрофы» или «Ад, где вынимают мозг и заполняют голову ежами» – явно апеллируют к чувствам и воображению, а не к здравому смыслу. Замечу, например, что и более унылый мусульманский ад, угрожающий грешнику только «муками огня», призван вызывать в первую очередь безотчетный иррациональный страх, а не взвешенную интеллектуальную оценку.

Собственно замечания касаются, во-первых, отсутствия названий глав (особенно в этом отношении бросается в глаза третья глава, где первый раздел назван «Содержание произведения», хотя речь далее идет о трех книгах). Во-вторых, следует избегать ненужных текстуальных повторов: например, три раза повторяется цитата «Тот, кто хочет стать небесным бессмертным... (с. 33, 75, 94), или дважды – информация о переводах *шаньшу* на европейские языки (с. 23-25, 59). В-третьих, разговорная лексика вроде «самые разношерстные произведения» (с. 47) не кажется уместной для научной работы.

Основанное на оригинальных текстах китайской народной литературы и сочетающее в себе элементы литературоведческого и культурологического анализа рецензируемое исследование убедительно решает все поставленные его автором частные научные задачи и в целом позволяет утверждать, что термином *шаньшу* может быть обозначен жанр определенного круга морально-дидактических произведений, объединенных схожими признаками формы, содержания и идеологии. Исследование показывает высокий уровень профессиональной подготовки и квалификации автора в области китайского языка и литературы. Диссертация Т. И. Корнильевой «*Шаньшу* как жанр китайской литературы» соответствует требованиям, установленным Приказом 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»; соискатель Татьяна Игоревна Корнильева заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока).

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор Кафедры иранской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Михаил Сергеевич Пелевин
01 марта 2017